

**Задания для муниципального этапа Всероссийской олимпиады
школьников по литературе**

(2022–2023 учебный год)

11 класс

Задание 1

Творческое задание (максимум – 30 баллов)

Эпоха начала XX века, Серебряный век русской литературы, подарила искусству в том числе образ-символ Прекрасной Дамы. Поэты-символисты — В. Соловьев, А. Блок, А. Белый — воспели Прекрасных Дам, причём за созданными литературными образами стояли реальные женщины. Например, А. Блок женился на Л. Д. Менделеевой, которую называл воплощением Прекрасной Дамы.

Пользуясь предложенным материалом, а также применяя свои знания о творчестве поэтов Серебряного века, напишите сценарный план к фильму в жанре литературной реконструкции с рабочим названием «Любовь Дмитриевна Менделеева – Александр Александрович Блок». Сценарный план должен сопровождаться логлайном — наикратчайшим описанием сюжета будущего фильма (не больше 1-2 строк).

Сценарный план может быть оформлен как обычный текст. Если вам удобно, то можете воспользоваться формой сценарного плана.

Дикторский текст		Зрительный ряд	
1		1	
2		2	
3		3	

Материал для сценарного плана

Любовь Дмитриевна Менделеева – Александр Александрович Блок

В 1902 году А.Блок пережил «мистическое лето», которое определилось наложением предчувствия встречи с Прекрасной Дамой и реальным чувством к Любови Дмитриевне Менделеевой, которую он знал ещё ребенком. Об этом времени А. Блок писал: «К весне началось хождение около островов и в поле за Старой Деревней, где произошло то, что я определял, как Видения (закаты). Все это было подкреплено стихами Владимира Соловьева, книгу которых подарила мне мама на Пасху этого года».

Этот мистический опыт любовного переживания определялся ожиданием Прекрасной Дамы и получил воплощение в цикле «Стихи о Прекрасной Даме» (1897–1904).

«Стихи о Прекрасной Даме».

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо –
Всё в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне – и ясен нестерпимо,
И молча жду, – тоскуя и любя.

Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,

И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

О, как паду – и горестно, и низко,
Не одолев смертельные мечты!

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.

Но страшно мне: изменишь облик Ты.

4 июня 1901. С. Шахматово

Ты горишь над высокой горою,
Недоступна в Своем терему.

Я примчуся вечерней порою,
В упоеньи мечту обниму.

Ты, заслышав меня издалёка,
Свой костер разведешь ввечеру,

Стану, верный велениям Рока,
Постигать огневую игру.

И когда среди мрака снопами
Искры станут кружиться в дыму,

Я умчусь с огневыми кругами
И настигну Тебя в терему.

18 августа 1901г.

А вот так описала события этого года та, которую поэт назовёт Прекрасной Дамой. (Из мемуаров Л.Д. Менделеевой «И быль, и небылицы о Блоке и о себе»).

1. «...О день, роковой для Блока и для меня! Как был он прост и ясен! Жаркий, солнечный, июньский день, расцвет московской флоры...Благоухает душица, легкими, серыми от цвета колесиками обильно порошащая траву вдоль всей "липовой дорожки" ...»
2. «...После обеда ... я поднялась я в свою комнату на втором этаже и только что собралась сесть за письмо слышу: рысь верховой лошади, кто-то остановился у ворот, открыл калитку, заводит лошадь и спрашивает у кухни ... Я подхожу к окну. Меж листьев сирени мелькает белый конь, которого уводят на конюшню, да невидимо внизу звенят по каменному полу террасы быстрые, твердые, решительные шаги. Сердце бьется тяжело и глухо. Предчувствие? Или что? Но эти удары сердца я слышу и сейчас звонкий шаг входившего в мою жизнь».
3. «... он одет в городской темный костюм, на голове мягкая шляпа... Тщательно выбритое лицо придавало человеку в то время "актерский" вид – интересно, но не наше. ... Блок и держал себя в то время очень "под актера", говорил не скоро и отчетливо, аффектированно курил, смотрел на нас как-то свысока, откидывая голову, опуская веки».
4. «...Первый и единственный за эти годы мой более смелый шаг навстречу Блоку был в вечер представления "Гамлета". Мы были уже в костюмах Гамлета и Офелии, в гриме. Я чувствовала себя смелее. Венок, сноп полевых цветов, распущенный напоказ всем плащ золотых волос, падающих ниже колен... Блок в черном берете, колете, со шпагой. Мы сидели за кулисами... Помост обрывался. Блок сидел на нем, как на скамье, у моих ног, потому что табурет мой стоял выше, на самом помосте».
5. «Мы говорили о чем-то более личном, чем всегда, а главное, жуткое – я не бежала, я смотрела в глаза, мы были вместе, мы были ближе, чем слова разговора. Этот, может быть, десятиминутный разговор и был нашим «романом» первых лет встречи, поверх «актера», поверх вымуштрованной «барышни», в стране черных плащей, шпаг и беретов... Даже руки наши не встретились и смотрели мы прямо перед собой. И было нам шестнадцать и семнадцать лет...».

ВОСПОМИНАНИЯ О "ГАМЛЕТЕ" 1 АВГУСТА В БОБЛОВЕ

Шахматово, 2 августа посв. Л. Д. М.

Тоску и грусть, страданье, самый ад
Все в красоту она преобразила.

Офелия

Я шел во тьме к заботам и веселью
Вверху сверкал незримый мир духов.

За думой вслед лилися трель за трелью
Напевы звонкие пернатых соловьев.
«Зачем дитя Ты?» мысли повторяли.
«Зачем дитя»? мне вторил соловей,
Когда в безмолвном, мрачном, темном зале
Предстала тень Офелии моей.
И бедный Гамлет я был очарован,
Я ждал желанный, сладостный ответ.
Ответ немел, и я в душе взволнован,
Спросил: Офелия, честна ты или нет!?!?
И вдруг звезда полночная упала,
И ум опять ужалила змея,
Я шел во тьме и эхо повторяло;
Зачем дитя Ты, дивная моя.

Летние встречи поэта и Л.Д. Менделеевой продолжаются зимой в Петербурге. Из мемуаров Л.Д. Менделеевой «И быль, и небылицы о Блоке и о себе».

6. «... Раз ... спросил Блок меня, что я думаю о его стихах. Я отвечала ему, что я думаю, что он поэт не меньше Фета...».
7. «...Мы вышли молча, и молча, не сговариваясь, пошли вправо – по Итальянской, к Моховой, к Литейной – к нашим местам. Была очень морозная, снежная ночь. Взивались снежные вихри. Снег лежал сугробами, глубокий и чистый. Блок начал говорить. Как начал, не помню, но когда мы подходили к Фонтанке, к Семеновскому мосту, он говорил, что любит, что его судьба в моем ответе. ... Он говорил, что для него вопрос жизни в том, как я приму его слова и еще долго, долго... В каких словах я приняла его любовь, что сказала не помню, но только Блок вынул из кармана сложенный листок, отдал мне, говоря, что если бы не мой ответ, утром его уже не было бы в живых. Этот листок я скомкала, и он хранится весь пожелтевший со следами снега...».

30 августа 1903 в церкви села Тараканова прошло венчание Александра Блока и Любви Менделеевой. В брак вступили поэт и Прекрасная Дама.

Задание 2

Аналитическое задание (максимум – 70 баллов)

Выполните целостный анализ поэтического или прозаического текста. **Вы можете опираться на вопросы, предложенные после текстов, или выбрать собственный путь анализа. Работа должна представлять собой цельный, связный завершённый текст.**

Путь анализа текста должен привести к раскрытию текста как сложно организованного единства элементов, несущих в себе смысл. Целостный анализ текста не требует полного описания всех структурных уровней (от фонетической стороны до раскрытия интертекстуальных связей), важно раскрыть смысл произведения через значимые аспекты его художественной структуры.

Денис Викторович Драгунский

Рассказ Чехова. Сон на третье ноября сего года

У меня идет встреча с читателями — в одном очень приятном месте, вроде Дома ученых на Пречистенке. Анфилады просторных комнат, с креслами и диванами, круглыми старинными столиками. Золоченые вазы по углам. Фигурный паркет. Тяжелые атласные гардины.

Я стою, держа в руке микрофон, посередине одной из таких комнат. Вокруг на стульях и креслах сидят человек тридцать, не более. Как часто бывает на таких встречах, меня спрашивают — что такое «хороший рассказ», какая у него должна быть композиция, язык, стиль и все такое. Я говорю:

— Давайте я вам лучше прочитаю, то есть, вернее, перескажу один рассказ Чехова. У меня с собой книжки Чехова нет, но я знаю этот рассказ почти наизусть. Я вам его сейчас изложу с небольшими сокращениями. Хорошо?

— Хорошо, хорошо! — все кивают.

Я начинаю:

* * *

«В город N, не самый большой из русских губернских городов, приехал новый врач, недавний выпускник Московского университета Сергей Сергеевич Пигарев. В городе давно уже была своя компания врачей, которые практиковали здесь с незапамятных, казалось, времен. Вальяжные седые господа, улыбочивые и добродушные, они умели деликатно щупать пульс и давать нюхательные соли дамам и девицам. При мигрени они велели тереть виски венгерским уксусом, при сердечном недомогании — прописывали лавровишневые капли, а при желудочном — капли Боткина; подавали надежду на кризис и скорое выздоровление. Они солидно принимали в прихожей конверт с гонораром — но все это в домах благородных или купеческих. Простых же обывателей, а тем паче крестьян, от всех болезней лечили содой, касторкой и в самом крайнем случае — кровососными банками.

Худой, нервный, еще не позабывший университетского курса, молодой доктор Пигарев не пришелся к этому двору. Когда его приглашали на консилиумы, он часто спорил и не соглашался с мнениями авторитетных коллег. Он всегда подозревал более тяжелую болезнь и предлагал более серьезное лечение — в отличие от остальных, которые были нестигаемыми оптимистами. Они посмеивались над ним и за глаза называли его «*наш гипердиагност*», прибавляя, впрочем, что это — свойство молодых и неопытных врачей. Нечего и говорить, что практики у него не было почти

никакой, кроме земского места, которое приносило совсем немного денег. N-ское общество сторонилось его, он жил одиноко, снимая маленькую квартирку с пансионом в доме вдовы полковника Дашкевича на Старо-Московской улице, но – за бывшими городскими воротами, то есть почти на окраине.

Однако был один хороший дом, где его принимали.

Это была богатая семья Шаховых. Отец — помещик и фабрикант фаянсовой посуды; мать — урожденная княжна Гундорова, две бездетные образованные тетки, сестры отца — одна музыкантша, другая переводила французские романы и печатала их в столице, у Вольфа. Центром всего дома была любимая дочь и племянница Елизавета, девица двадцати пяти лет, то есть старше доктора Пигарева на год. Он удачно вылечил ее от затяжного кашля, и с тех пор Шаховы полюбили его, хотя именитые N-ские врачи хмыкали и пожимали плечами.

Сергей Сергеевич любил бывать у Шаховых, сидеть за длинным столом под низкой люстрой, болтать с тетками Анной Петровной и Ангелиной Петровной о последнем романе Мопассана, принимать из рук лакея блюдечко с мороженым, глядеть на профиль Лизы и мечтать, что это его дом, его семья, его красивая жена.

Лиза, пока не начинался ужин, обыкновенно сидела не за столом, а в стороне, у окна, напротив своего мольберта. Она рисовала и писала красками, и даже в свое время брала уроки у какого-то известного художника.

* * *

– Елизавета Васильевна... — начал однажды доктор Пигарев, когда они прохладным летним вечером вдруг оказались вдвоем на просторном крыльце, ведущем в сад.

Она сидела на плетеном диване, он вышел из дома с папироской и присел рядом. Она закашлялась. Он встал, шагнул в сад, затоптал папиросу в землю, вернулся.

– Как вы добры и внимательны, доктор, — сказала Елизавета. — Я все еще немного кашляю от табачного дыма.

– Простите, — сказал Сергей Сергеевич.

– О, это вы меня простите! — она ласково улыбнулась. — Я измучила весь дом своим кашлем. Тетя Ангелина из-за меня перестала курить. Но я выздоровею, правда? С вашей помощью, вы ведь обещали? И тогда все в доме смогут курить, как курили раньше!

— Непременно! Вы, собственно говоря, уже здоровы. Так, небольшое раздражение в гортани... Елизавета Васильевна! Я вам хотел сказать одну важную вещь...

– Сергей Сергеевич, – улыбка ушла с ее лица. — Я знаю, что вы хотите сказать. Я очень, очень, очень ценю вас и ваше внимание. Я даже... – она вдруг покраснела и стала ломать свои длинные красивые пальцы. – Я даже, наверное, люблю вас... как друга... как прекрасного человека... и в других

обстоятельствах я была бы счастлива принять ваше предложение... Мой отец вас просто обожает. Мама и тетки от вас без ума. Но поймите меня.

«Ишь, – вдруг раздраженно подумал Пигарев. – Я ей пока еще ни одного слова не сказал, а она уже отказывается!»

– Я не создана для семейного счастья. Я не жена, не хозяйка, не мать. Я художница. Это не просто мои фантазии. Я работаю над собою, я сижу за мольбертом по пять часов в день. Меня поддержал господин Поленов, он видит во мне способности.

– Разве одно мешает другому? – возразил Сергей Сергеич.

– Мне двадцать пять лет, – серьезно сказала Лиза. – Ежели бы я чувствовала в себе женское призвание, я бы вышла замуж семь лет назад, у меня уже было бы трое детей... Ах, Сергей Сергеевич, не горюйте, милый! – она откинула голову, посмотрела на него как будто бы издали. – О! Я вижу, как вы нахмурились, как напряглись ваши брови и веки, как горит ваш взор, как ходят желваки на ваших скулах! С вас можно писать молодого римского христианина, который стоит перед каким-нибудь консулом или прокуратором в ожидании приговора! Какое сильное, благородное лицо... – она перевела дыхание и улыбнулась. – Простите, мой милый, мой дорогой друг. Вы меня прощаете?

Она заглянула ему в глаза и по-дружески крепко сжала его запястье.

– Я не в силах на вас сердиться, – сказал он и поцеловал ей руку, хотя его сердце было стиснуто гневом и унижением.

– Правда?

– Клянусь, – он склонил голову.

– Тогда приходите в среду на вокзал, я уезжаю в Москву. Проводите меня!

* * *

Но в среду его позвали на консилиум.

Пожилая купчиха мучилась нарывной опухолью на левой ноге, ближе к лодыжке. Коллеги опасались лихорадки и заражения крови, хотели оперировать, прорезать фистулу и выпустить гной, кто-то советовал ехать в ближайший университетский город, в клинику, а то и в Петербург, в Медико-хирургическую академию. Доктор Пигарев, напротив, был настроен весьма бодро — против своего всегдашнего обыкновения. Приободрив больную, он взял стакан воды, развел в нем унцию соли, намочил в растворе тряпичную повязку и велел держать ее на больном месте, не давая повязке высохнуть. Через шесть часов стал выходить гной, а еще через неделю от опухоли не было и следа.

* * *

Сергея Сергеича будто бы подменили.

Он стал весел и обворожительно вежлив. Входил в комнату больного, бодро потирая руки, деловито раскрывал свой саквояж, внимательно выслушивал, долго и ласково убеждал, что ничего опасного нет, сулил скорое выздоровление, лечил солевыми повязками, китайскими мазями,

индийскими пряностями, прохладными купаниями и обтираниями, воздушными ваннами и немецкой гимнастикой. Иногда случались и неприятности, и даже смерти, но он ловко умел списать их на прежнее неправильное лечение, на ошибки столичных светил, или же после вскрытия сообщал, что у больного был рак или внезапный разрыв аневризмы, и медицина была тут бессильна.

Он стал знаменит. Его наперерыв зазывали к себе городские обыватели – в особенности купцы, разбогатевшие мещане, еврей-лавочники – но и дворяне-помещики, проводившие в городе зиму, частенько приглашали его. По старой памяти бывал он и у Шаховых, лечил теток Анну и Ангелину, и старика Василия Петровича, и его жену, урожденную княжну Гундорову. Его частенько приглашали остаться поужинать. Он оставался, если не было дальнейших визитов. Пили хорошее французское вино, ели утку. Все тот же лакей так же раздавал блюдечки с мороженым. В углу гостиной стоял, завешенный шелковым платком, мольберт Лизы. Когда Пигарев проходил мимо, он улавливал слабый запах масляной краски. О Лизе разговор не заходил, хотя ему казалось, что от него ждут хоть какого-то вопроса. Но он молчал.

За четыре года успешной практики доктор Пигарев сильно разбогател. Съехал от полковницы Дашкевич, снял себе дом на Большой Дворянской, угол Ильинского переулка. Оборудовал там приемную. Нанял фельдшера. Но земскую службу не бросал. «Не ради денег, – объяснял он в клубе, – но ради святого принципа врачебной службы!» – и поднимал палец, на котором сидел перстень с сердоликовой печаткой.

* * *

Весной ему прислали приглашение от Шаховых на пасхальный обед. Он надел фрак и белый галстук и совсем было собрался ехать, но вдруг прибежал посыльный от Штерна, там захворал ребенок, и он взял саквояж и поехал сначала к больному — «Долг! Врачебный долг прежде всего!» – громко сказал доктор сам себе и полюбовался на свое отражение в зеркале. Слава богу, с ребенком Штерна ничего страшного не было – мальчишка просто-напросто объелся куличами в разговорие.

Доктор Пигарев приехал к Шаховым, не ожидая от этого визита ничего особенного, потому что он уже забыл про Лизу. Но как только он вошел в прихожую, по сияющему лицу старика Шахова он понял, что сейчас будет сюрприз, и он уже знал, какой. Но не мог предположить, приятный или неприятный.

Лиза, красивая, стройная, сильно похудевшая, шагнула ему навстречу, встав с дивана и простерев к нему обе руки, словно бы желая обнять его. Он смутился, но тут же вспомнил: Пасха!

– Христос воскрес, Сергей Сергеевич! – и Лиза трижды поцеловала его в губы.

– Воистину, Елизавета Васильевна! – он слегка обнял ее за плечи.

* * *

— Конечно, это были фантазии, — говорила она, когда они уже после обеда сидели в малой гостиной на диване. — Я не художница. Я просто женщина, уже немолодая, мне почти тридцать лет... — она закурила длинную папироску, закашлялась.

— Гортань раздражена, — сказал Пигарев. — Не курите. Я вот полтора года как бросил и вам советую.

— Пустое, — сказала она, пуская дым в потолок. — Как вы, что вы? Не молчите!

— Помаленьку, — сказал он. — Служим ближнему своему. Исцеляем страждущих. Иногда получается. Чаще — продлеваем страдания. Зачем? Вы знаете, зачем? — вдруг с искренней тоской произнес он. — Я, например, не знаю. Ужасно.

— Какой вы мрачный сегодня, — улыбнулась она, заглядывая ему в глаза и дружески прикасаясь к его руке.

Почти как тогда, четыре года назад на плетеной скамье, но совсем с другим выражением — просящим и даже жалким.

Тяжелый, четырехлетней выдержки гнев снова застучал в висках доктора. Он не мог ей простить тогдашнего отказа. В голове теснились оскорбительные слова. «Прогуляла четыре года в Москве, художница... господин Поленов ее поддержал... ничего не сумела, разбила все корыта, и вот прибежала ко мне». Ему казалось, что он прямо воочию видит ее в объятиях московских бонвиванов. Он даже головой помотал, чтобы отогнать это гадкое наваждение.

— Что с вами? — спросила она.

— Так, голова болит немного. Ничего. А вот вы бледны. Дайте руку.

Он взял ее за запястье, нащупал пульс. Долго считал удары, глядя на стрелку карманных часов. Нахмурился. Встал, прошел в прихожую, вернулся с саквояжем. Достал стетоскоп и холодно сказал:

— Расстегните платье на груди.

— Вы меня вылечите? — спросила она.

— Помолчите. Не мешайте слушать. Теперь повернитесь спиной.

— Вы меня вылечите, Сергей Сергеевич? — повторила она.

— Застегнитесь. Вам надобно срочно ехать в Москву, в университетскую клинику. Я дам вам письмо к доктору Закржевскому, своему учителю.

— Прямо завтра? — растерялась она.

— Лучше бы сегодня, — сказал он. — Жаль, Пасха.

— Христос воскрес, — заплакала она, обняла его и снова поцеловала.

— Воистину, воистину, — забормотал он, быстро целуя ее в щеку. — Застегнитесь, а то сюда войдут и подумают невесть что. Застегнитесь же!»

* * *

Я продолжаю пересказывать эту грустную историю, и вдруг вижу, что какая-то дама, встав с кресла и отойдя к двери, говорит по мобильному. Но при этом не выходит из комнаты, одновременно слушая и меня, и своего телефонного собеседника.

Я прерываю рассказ и чуть не кричу:

– Здесь много места! Здесь полно других комнат, залов, коридоров и чего хотите! Идите туда и разговаривайте! Зачем именно здесь? Почему именно тут?

– Простите, простите, простите, — шепчут люди. — У нее дочь в больнице, это ей дочь из больницы звонит.

– Все, все, Лиза, все, — поспешно говорит дама в телефон. — Не могу разговаривать, я на лекции, я перезвоню...

– Простите и вы меня, — говорю я этой даме. — Ну-с, продолжаем. Продолжаем?

– Да, да, продолжаем, конечно, пожалуйста, — снова шепчут слушатели.

– Итак...

* * *

«Доктор Пигарев больше не заходил к Шаховым и не знал, что там дальше было с Елизаветой Васильевной. Хотел написать письмо профессору Закржевскому в университетскую клинику, да как-то не собрался. Тем более что Василий Петрович Шахов умер, а тетки Анна и Ангелина вместе с урожденной княжной Гундоровой уехали куда-то, не попрощавшись с ним.

Однажды, уже через много лет, доктор Пигарев посетил недалёкую деревню. Староста сказал, что у старухи Каликиной невестка хворает. Была зима. Лавка, на которой лежала больная, была около двери. Семья Каликиных была большая. Молодухи шастали туда-сюда, из двери дуло. Больная невестка, исхудавшая и жаркая, с блестящими глазами и свалывшимися волосами, дрожала под коротким драным тулупом.

– Звать-то тебя как? — спросил доктор.

– Лизавета, — проговорила та прыгающими от озноба губами и посмотрела на доктора жалко и бессмысленно, как овца на мясника.

– Ну что, Лизавета? — сказал доктор. — Помираешь, поди? Это ты зря, помирать-то тебе рано! Ты еще девка хоть куда. Сейчас тебя в тепло переложат, к печке ближе. Молочка дадут горяченького, а там глядишь, к весне и оклемаешься!

Потрепал ее по голове и вышел на крыльцо. Нагнулся, захватил в пятерню снега, протер себе руки.

Старуха Каликина вышла следом.

– Это что ж такое? — вздохнула она. — Выходит, до весны ее кормить? А то как по весне помрет? Что ж тогда? Вот ведь наказание.

– Не гневи Бога, мать, — сказал доктор. — Ей жить три дня осталось. Ты ее все же в тепло положи, окажи милосердие. Пусть последний разок погреется. И молочка дай. В последний-то разок. А завтра батюшку зови. А послезавтра плотника...

Старуха шагнула назад в сени, вытащила малое лукошко с пятью яичками и куском сала:

– Вашему благородию...

– Не надо, мать, — сказал доктор. — Это на поминки сбереги. Ну, прощай.

– Точно помрет? — усомнилась старуха Каликина.

– Как Бог свят, — успокоил ее доктор.

Старуха схватила его руку и поцеловала.

Доктор Пигарев отдернул руку, неизвестно зачем перекрестил старуху и пошагал по дороге, где невдалеке его ждали сани».

* * *

Слушатели негромко аплодируют, и кто-то спрашивает:

– А как этот рассказ называется?

– То есть?

– Ну вот вы нам пересказали рассказ Чехова. А как он называется, чтобы целиком прочитать? В книге.

– Не помню... — отвечаю я.

Я правда не помню. Может быть, у Чехова на самом деле не было такого рассказа. Даже скорее всего. Конечно, не было! Да и на Чехова не очень похоже. Мне становится неловко. Я быстро запикиваю свои бумаги в портфель, прощаюсь, спускаюсь в гардероб.

Выхожу на улицу. Зима, снег. Невдалеке стоит такси, мигая желтыми лампочками. Да, конечно, это я его вызвал.

Мне вдруг кажется, что я и есть этот доктор.

2021г.

Примечание

Денис Викторович Драгунский (род. 1950 г.) – современный писатель, драматург, автор рассказов, повестей и романа. Организующим началом при создании рассказа для писателя является фабула, которая выступает способом исследования действительности. Продолжая традицию, писатель чуток к новациям.

Опорные вопросы

1. Как складываются отношения между читающей публикой и современным писателем, героем рассказа?
2. В чём суть сна, который приснился писателю? Какую функцию в композиции рассказа выполняет сновидческая реальность?
3. Какое произведение послужило претекстом для рассказа Д. Драгунского?
4. Какими средствами автор создаёт метафору многослойной памяти?
5. Какие изменения происходят с героем рассказа Пигарёвым на протяжении рассказа?
6. Что общего в героях трёх историй?
7. Какие художественные приёмы использует Д. Драгунский в своём рассказе?

Анализ поэтического текста

Иосиф Александрович Бродский

Дидона и Эней

Великий человек смотрел в окно,
а для нее весь мир кончался краем
его широкой греческой туники,
обильем складок походившей на
остановившееся море.

Он же
смотрел в окно, и взгляд его сейчас
был так далек от этих мест, что губы
застыли точно раковина, где
таится гул, и горизонт в бокале
был неподвижен.

А ее любовь
была лишь рыбой – может и способной
пуститься в море вслед за кораблем
и, рассекая волны гибким телом,
возможно обогнать его — но он,
он мысленно уже ступил на сушу.

И море обернулось морем слез.
Но, как известно, именно в минуту
отчаянья и начинает дуть
попутный ветер. И великий муж
покинул Карфаген.

Она стояла
перед костром, который разожгли
под городской стеной ее солдаты,
и видела, как в мареве костра,
дрожащем между пламенем и дымом
беззвучно распадался Карфаген задолго до пророчества Катона.

1969 г.

Примечания

Иосиф Александрович Бродский (1940 – 1996)

Русский поэт, часть жизни которого прошла в эмиграции в Америке.
Лауреат Нобелевской премии.

Миф о Дидоне и Энее – один из мифов Древнего Рима, который нашел отражение в поэме Вергилия «Энеида». Во время морских скитаний корабли

Энея, троянского героя, спасшегося из побеждённого города, пристали к берегам близ Карфагена, где герой познакомился с царицей Дидоной.

Купидон, по просьбе Венеры, пустил свою стрелу прямо в сердце Дидоны, и она влюбилась в Энея. В обществе царицы троянский герой предавался развлечениям и совсем забыл о нуждах своего народа и о том, что должен основать собственное царство согласно пророчеству. Так прошел год, однако Юпитер не желал слияния спасенных им троянцев с тирийцами и укрепления одного лишь Карфагена. Верховный бог послал Меркурия, чтобы тот напомнил Энею о долге перед своим народом и о предначертанном ему великом будущем. Влюблённый Эней страдает, так как не может ни остаться с возлюбленной, ни взять её с собой – по предначертанию судьбы в Лации он должен жениться на Лавинии, чтобы новая династия положила в будущем основание Риму. Чтобы избежать гнева и возможной мести Дидоны, Эней отплыл ночью. Покинутая царица, видя паруса на горизонте, в ярости велит приготовить погребальный костер и сложить в него все вещи, связанные с Энеем, но затем бросается в огонь сама, проклиная троянского вождя и завещая своему народу вечную вражду с троянцами.

Опорные вопросы:

1. Какова функция античного сюжета в структуре стихотворения?
2. Случайна ли последовательность образов из исторического прошлого? И находятся ли они в сюжетной связке?
3. Как вы можете объяснить последнюю строку стихотворения?
4. Как в тексте стихотворения развивается тема моря?
5. В чём вы видите своеобразие формы стихотворения и ритмики?